

На следующий день небо по-прежнему затягивала унылая пелена мороси. В горах разгулялась сокрушительная непогода, начисто отрезав усадьбу от внешнего мира. Связь пропала полностью: мобильные ловили пустые полосы, экран телевизора светился ровным синим цветом, а компьютеры наотрез отказывались подключаться к сети. Радовало одно — водопровод и электричество пока работали без перебоев.

Обсудив план действий, Чжоу Тун и Хань Цицин решили отправиться к истинной точке ровно в полдень, когда янская энергия достигает своего пика. Для ритуального военного танца требовалось длинное оружие, но Чжоу Тун рассудил, что его отлично заменит ивовая ветвь. Иву в народе не зря связывали с «пятью призраками» — она славилась поразительной восприимчивостью к потустороннему миру. А в сочетании с копией легендарного циня «Девять Небес, Звонящие Нефритом» их танец под музыку обещал стать вдвойне действенным.

Поскольку члены семьи Сун годами жили в этих краях, они почти слились с местным фэншуй. Чжоу Тун рассудил, что их присутствие и ритуальное пение придутся как нельзя кстати, а потому велел Хань Цицину привести всех Сунов к истинной точке.

Когда назначенный час приблизился, Хань Цицин установил ритуальный алтарь. Разложив киноварь, благовонные палочки и бумажные талисманы, он соорудил из тутового дерева высокий помост. По бокам от алтаря выросли две небольшие площадки примерно по пять квадратных метров каждая — одна для него самого, другая для Чжоу Туна.

Помосты окропили рисовым вином, очертили влажной землей и укрепили по краям десятью желтыми талисманами. На этом приготовления завершились.

Швы на голове Хань Цицина еще не сняли, так что лоб его по-прежнему туго стягивал толстый слой бинтов. Устроившись перед цинем, он бросил взгляд на Чжоу Туна.

— Ну что, начнем?

Облаченный в просторное одеяние с широкими рукавами, Чжоу Тун неловко поправил подол. Длинная ткань мешала двигаться. Стряхнув невидимую пылинку с плеча, он виновато улыбнулся, сжимая в руке ивовый прут:

— Секунду, почти готов.

Хань Цицин густо покраснел и смущенно замолк. Прижав кулак к губам, он негромко кашлянул и поспешно ответил:

— Хорошо.

Лунно-белое одеяние, припасенное Хань Цицином для ритуалов у алтаря, пришлось как нельзя кстати для священного танца. На Чжоу Туне оно сидело на редкость ладно, превращая его в

древнего шамана-уси. В каждом его жесте, в мимолетном движении губ сквозило величие, не терпящее святотатства. И все же от юноши исходило мягкое тепло — таинственная сила, которая неудержимо манила к себе и умиротворяла душу.

Чжоу Тун взмахнул ивовым прутом, мысленно сокрушаясь о неудобстве наряда. Больше всего он боялся наступить на собственный подол и нелепо растянуться посреди ритуала. Наконец, сверившись со временем, он кивнул:

— Давай начнем.

— Да, — серьезно отозвался Хань Цицин.

Оба заняли свои места. Хань Цицин тронул струны, и из-под его длинных пальцев полились чистые, глубокие звуки. Древний цинь отозвался глухим, бархатистым рокотом. Слегка прикрыв глаза, Хань Цицин затянул песнь «Горный дух»:

— Там, на круче горной, бродит некто, облаченный в дикий плющ и повитый повиликой... Твой взор нежен, а улыбка чарует; ты тоскуешь по мне, столь прекрасная и стройная...

Чжоу Тун задвигался в такт мелодии. Широкие рукава взлетали белыми крыльями, ивовая ветвь плавно рассекала воздух. С неизменной мягкой улыбкой он направлял каждое движение: руки двигались с неожиданной силой, тонкий, гибкий стан закручивался в пируэтах. В этих разворотах и взмахах угадывался не просто танец — так на поле боя воин управляется с парными клинками.

Под чистый голос, выводящий песнь о горном духе, и мерный свист ивового прута от алтаря во все стороны брызнули золотистые искры духовной энергии. Плотные клубы грязной, удушливой злобы, накатывавшие на помост, мгновенно рассеивались, превращаясь в чистую ци, наполняющую все сущее.

Стена дождя заметно поредела, а вековые тучи, плотно укутывавшие горы эти дни, впервые начали расходиться.

Члены семьи Сун, вторя наставлениям Хань Цицина, покорно опустили взоры и негромко подпевали. Заметив краем глаза просветы в небесной вышине, они не на шутку воодушевились.

Вдруг одна из служанок негромко вскрикнула. Все проследили за ее указующим перстом, и лица их мгновенно побелели от ужаса.

В чаще леса неведомо когда соткалась исполинская тень. Смутные очертания походили на человеческие, но вышиной гигант соперничал с вековыми соснами. Черты его лица тонули во мраке. В одной руке чудовище сжимало громадный топор, другой с силой натягивало тяжелую цепь. На другом ее конце отчаянно билось нечто огромное. Великан резко дернул оковы — из

зарослей взметнулся чешуйчатый хвост, и над деревьями призрачным маревом проступил силуэт Лазурного дракона.

С противоположной стороны выросла еще одна гигантская фигура с топором и цепями, удерживающая Белого тигра. Оба священных зверя казались полумертвыми. Железные кольца намертво сдавливали их шеи, и стоило заложникам дернуться, как надзиратель наказывал их с удвоенной жестокостью.

Великаны взирали на людей сверху вниз, и в их пустых черных глазницах застыло немое предупреждение: «Продолжите ритуал — и пощады вам не видать!»

Ужасающая аура, хлынувшая из чащи, напрочь подавила волю Сунов. Пение оборвалось. Дрожащие от страха люди попятились, сбиваясь в кучу у подножия помоста Хань Цицина.

Старая госпожа Сун выдавила пересохшими губами:

— Мастер Хань...

Хань Цицин лишь безмолвно сжал зубы.

Чжоу Тун и Хань Цицин тоже ощутили резкое колебание ци. Пальцы музыканта дрогнули, едва не смазав мелодию, однако Чжоу Тун не прервал танец, краем глаза оценивая обстановку.

Глаза Инь-Ян позволяли ему видеть суть вещей без прикрас. Лес заполонила могущественная скверна, опутавшая Лазурного дракона и Белого тигра. Из-за этого фэншуй этих мест и пришел в полный упадок. Однако их с Хань Цицином ритуал приносил плоды: темная плоть исполинов бледнела и таяла везде, где ее касалась чистая духовная энергия.

— Продолжай, — негромко скомандовал Чжоу Тун.

Его лицо оставалось абсолютно спокойным, пока он кружился в безупречном танце, рассекая воздух ивовой ветвью. Хань Цицин кивнул, спешно выравнивая ритм. Однако холодные струи дождя нещадно хлестали его по лицу. Рана на голове еще не затянулась, и под этим безжалостным ливнем силы музыканта таяли на глазах.

Поняв, что их угрозы тщетны, великаны замахнулись тяжелыми топорами и обрушили их на помосты с двух сторон.

Чжоу Тун вскинул ладонь, направляя поток духовной силы вверх. С каждым новым па вокруг него собиралось все больше чистой ци, соткавшей плотный щит против топоров из ядовитой ша-ци. Но вдруг со стороны Хань Цицина донесся сдавленный стон. Обернувшись, Чжоу Тун увидел, что тот побледнел как полотно, а пальцы его едва удерживали ритм.

— Держишься? — Чжоу Тун взмахнул ветвью, развеивая долетевший до друга сгусток ша-ци.

— В норме, — процедил сквозь зубы Хань Цицин.

Он упрямо перебирал струны, понимая, что не имеет права отступить. Сдаться сейчас означало пустить все прахом. Скверна в лесу зашла слишком далеко, сгустившись до осязаемой плоти, которую видели даже простые смертные. Промедление грозило обернуться катастрофой.

Чжоу Тун вытянул руку с ивовой ветвью, перенаправляя защиту на Хань Цицина.

— Потерпи еще немного, скоро закончим, — негромко подбодрил он.

Хань Цицин тяжело выдохнул. Очередная волна ливня захлестнула помост, а прямо над головами с сухим треском разорвался громовой раскат. Пальцы музыканта дрогнули, срывая нужный аккорд. В ту же секунду в лесу завыл шквальный ветер. Безумный, хаотичный, он налетал со всех сторон разом, не оставляя ни единого шанса укрыться.

«Плохо дело», — мысленно чертыхнулся Чжоу Тун.

Сквозь белые бинты на голове Хань Цицина быстро проступало багровое пятно. Осматривая его рану накануне, Чжоу Тун счел ее неопасной, потому и решился на ритуал. Но теперь, когда мелодия оборвалась, священное заклятье рухнуло. Сдерживаемая доселе ша-ци вздыбилась яростным валом и хлынула на людей, готовая разорвать их на части.

Простые смертные из семьи Сун не могли разглядеть саму ша-ци, но кожей ощущали леденящий могильный холод. Завывающий ветер сжимал кольцо вокруг них, словно прожорливая пасть чудовища.

В то же мгновение из бронзового наконечника алебарды на поясе Чжоу Туна скользнула темная тень. Сделав круг вокруг Хань Цицина, она вошла прямо в его тело. Голова юноши, бессильно опустившаяся секунду назад, резко вздернулась. Он хищно прищурился, и весь его облик неузнаваемо изменился — откуда только взялись былая немощ и бледность!

Полноправный хозяин тела размял затекшую шею, потянулся и уверенно положил руки на инструмент. Его пальцы пробежали по струнам, извлекая безупречно чистые сочные аккорды. Не поднимая головы, он бросил Чжоу Туну:

— Готов?

Опешив на секунду, Чжоу Тун мгновенно узнал Тень и кивнул:

— Готов.

Тень лишь усмехнулся в ответ, и его пальцы заплясали по струнам с невероятной скоростью. Сама манера игры разительно отличалась от прежней: теперь музыка лилась подобно полноводной бурной реке, сметающей все преграды. Он запел, и его голос, глубокий и властный, легко перекрыл вой ветра:

— Там, на круче горной, бродит некто, облаченный в дикий плющ и повитый повиликой... Твой взор нежен, а улыбка чарует; ты тоскуешь по мне, столь прекрасная и стройная...

Чжоу Тун послушно закружился в танце под этот новый, дикий ритм. Если прежде именно он вел за собой неопытного Хань Цицина, то теперь все изменилось: Тень безраздельно подчинил его своей воле, диктуя каждое движение.

Стиснув зубы, Чжоу Тун резко развернулся и наотмашь хлестнул ивовой ветвью по наползающей тьме. Завеса ша-ци со свистом разорвалась, а ее клочья тут же поглотила чистая ци, обращая яд в чистую дождевую воду. Спустя пару па Чжоу Тун наконец нащупал собственный ритм и перестал слепо следовать за чужой волей. Отныне они двигались на равных: один играл, другой танцевал, ведя безмолвный диалог в абсолютном согласии.

Небесный полог содрогнулся, пропуская первые золотые лучи солнца. Грязные, удушливые потоки, низвергавшиеся сверху, сделались хрустально чистыми и пролились на землю благодатной росой.

Над головой распахнулась бездонная лазурь, чистая и умытая, без единого облачка.

Под теплыми лучами солнца исполинские стражи мгновенно съежились и растаяли без следа. Сбросив оковы, Лазурный дракон и Белый тигр издали победный рев. Дракон, взмахнув мощным чешуйчатым хвостом, унесся ввысь, а тигр бесшумной тенью скользнул в чащу. Застарелая обида и скверна, веками терзавшие эти горы, рассеялись в одно мгновение. Воздух сделался небывало чистым и сладким; казалось, каждый вдох омывает душу и исцеляет измученное тело.

Повсюду на полянах распускались цветы, из сырой земли выбирались лесные обитатели и тянулись к солнцу нежные стебли трав. Шляпки грибов заблестели от росы, точно крошечные зонтики. Ветви деревьев согнулись под тяжестью спелых плодов, сияющих чистым самоцветным блеском. Даже две сухие ивовые ветки в руках Чжоу Туна ухитрились выпустить свежие, ярко-зеленые почки.

«Результат превзошел все ожидания, — мысленно подытожил Чжоу Тун. — Горы напитались силой, зловещие очаги инь выжжены дотла, а на их месте открылись чистые, бьющие ключом истинные точки. Для будущих поколений семьи Сун это неоценимый дар».

Чжоу Тун повернулся к Тени, желая поблагодарить за помощь, но тот не торопился убирать

руки со струн. Только мелодия сменилась — теперь над горами летели совсем иные, незнакомые Чжоу Туну напевы.

Тень играл затаив дыхание, без остатка растворившись в звуках. Он по-прежнему занимал тело Хань Цицина и носил его черты, но Чжоу Тун каким-то немыслимым образом видел истинную душу, сокрытую в этой плоти.

На высоком помосте, величественно выпрямив спину, восседал статный мужчина в роскошном древнем халате и высокой короне. Его красивые темные глаза были опущены, длинные пальцы ласкали струны старинного циня, а во лбу горела золотым огнем священная печать.

Чжоу Тун оцепенел. В памяти мгновенно всплыли картины из его недавних снов — сходство было пугающе идеальным. Но стоило ему попытаться ухватиться за эту мысль, как раздался резкий звон лопнувшей струны. Тень распахнул глаза, глядя перед собой с таким видом, словно очнулся от многовекового сна и не понимал, где находится.

Тень хранил молчание.

Глубоко вздохнув, он отставил в сторону цинь с лопнувшей струной и раздраженно проворчал:

— Столько шуму из-за такой ерунды.

С этими словами он покинул чужую оболочку. Черный дым взмыл в воздух, сделал прощальный круг, вбирая в себя остатки чистой ци, и скользнул обратно в бронзовый наконечник алебарды на поясе Чжоу Туна.

Чжоу Тун лишь покачал головой.

Суны стояли раскрыв рты от изумления. Наконец тетушка Хэ первой опомнилась и бросилась к пошатнувшемуся Хань Цицину:

— Мастер Хань! Господин Хань, вы живы? С вами все в порядке?

А вот старая госпожа Сун неожиданно опустилась на колени прямо перед Чжоу Туном и склонилась в глубоком поклоне:

— Семья Сун в долгу перед вами, великий мастер. Век будем молиться за ваше здоровье!

Чжоу Тун растерялся.

Он поспешно подхватил пожилую женщину под локти, не дав ей коснуться земли лбом, и

бережно поднял на ноги:

— Полно вам, госпожа Сун, встаньте. Моей заслуги тут немного, а вот Хань Цицину действительно пришлось несладко. Ему сейчас очень нужен покой.

— Непременно, все сделаем, — горячо заверила она, и в ее голосе послышалось глубокое раскаяние. — Простите старую дуру, мастер Чжоу. Глаза мои совсем ослепли, раз я не признала в вас великого наставника и выказала неуважение. Умоляю, не сердайтесь.

Чжоу Тун мягко улыбнулся:

— Никаких обид, госпожа Сун, что вы. Вы принимали меня как самого дорогого гостя все эти дни, так что это мне следует благодарить вас за радушие.

— Ну что вы, это меньшее... — попыталась было возразить старушка, но Чжоу Тун остановил ее мягким жестом:

— Давайте сначала вернемся в дом. Нужно как можно скорее осмотреть Хань Цицина.

— Да-да, конечно.

Сун Сюань и Дуань Чжэн подхватили ослабевшего Хань Цицина под руки, и вся процессия направилась обратно к вилле. Горы вокруг преобразились до неузнаваемости: умытые ливнем склоны сияли сочным изумрудом, вековые деревья расправили ветви, а воздух наполнился птичьим щебетом и тонким ароматом распустившихся цветов. На душе у всех стало удивительно легко и покойно.

У самых ворот усадьбы у кого-то в кармане ожил мобильный. Слуга, отправленный старой госпожой проверить дорогу, радостно сообщил, что завалы наконец расчищены и путь к подножию горы полностью открыт. Эта новость вызвала у присутствующих такой восторг, что кое-кто из Сунов едва не разрыдался от счастья.

<http://bllate.org/book/18246/1764706>